

Великолепная
Даниэла
СТИЛ

DANIELLE STEEL

Klone and I

Читайте в серии Даниэлы Стил:

В тихой гавани	Крылья
Выкуп	Удар молнии
Зоя	Неожиданный роман
Сестры	Блудный сын
Отзвуки эха	По велению сердца
Ранчо	Прости меня за любовь
Пять дней в Париже	Драгоценности
Счастливики	Верить в себя
Идеальная жизнь	Вторая попытка
Ты меня не забывай	Клуб холостяков
Джонни-Ангел	Высшая милость
Паломино	Обещание страсти
Воспоминания	Вояж
Наперекор судьбе	Питер, Поль и я

С^{Даниэла} СТИЛ

ПИТЕР,
ПОЛЬ И Я

Москва 2017

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
С80

Danielle Steel
THE KLONE AND I

Copyright © 1998 by Danielle Steel

Перевод с английского *В. Комаровой*

Художественное оформление *Д. Сазонова*

Стил, Даниэла.
С80 Питер, Поль и я : [роман] / Даниэла Стил ; [пер. с англ. В. Комаровой]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 288 с. — (Великолепная Даниэла Стил).

ISBN 978-5-699-88939-6

После развода Стефани уезжает в Париж, где знакомится с обаятельным Питером. Ей кажется, что она наконец-то встретила свой идеал. Но вскоре у нового друга объявляется загадочный двойник, который очаровывает Стефани. И теперь ей предстоит не только выяснить, кто он такой, но и решить, кого же из двоих она на самом деле любит...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-88939-6

© Комарова В., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Посвящается
многоликому Тому Перкинсу,
доктору Джекиллу,
мистеру Хайду
и Исааку Клону,
который дарит самые
изысканные драгоценности...
но в особенности Тому,
подарившему мне Клона
и дорогие воспоминания.

С любовью

Д.С

Глава 1

Мой первый и до сих пор единственный брачный союз распался как раз накануне Дня благодарения. Я так отчетливо все помню, словно это случилось вчера. Момент, предшествовавший столь знаменательному событию, застал меня на полу спальни. Я распласталась под кроватью и шарила там в поисках шлепанца, а моя любимая, но изрядно поношенная фланелевая рубашка задралась выше пояса. Вот тут-то на пороге и появился мой супруг, как всегда элегантно и безукоризненно одетый (на нем были фланелевые брюки и пиджак). Увидев меня в такой позе, он пробормотал что-то невнятное. Я не расслышала его, увлеченная своим занятием: мне удалось обнаружить под кроватью очки, пропавшие пару лет назад, пластмассовый браслет, о существовании которого я уже давно успела позабыть, и крохотный красный башмачок, принадлежавший моему сыну Сэму и утерянный им еще в младенчестве. Сэму недавно исполнилось шесть, так что башмачок на-

шелся очень «кстати». И это называется уборка! Держу пари, ни одна из домработниц, прибиравшихся в моей квартире, ни разу не удосужилась заглянуть под кровать.

Я выползла на свет божий лохматая, как чучело, увидела Роджера и поспешно оправила ночную рубашку. По сравнению со мной он выглядел подчеркнуто официальным, и мне стало стыдно за мой взъерошенный вид.

— Что ты сказал? — спросила я с улыбкой, совершенно не подозревая о том, что в зубах у меня предательски застряла ягодка черники из съеденной час назад слобной булки. Это досадное обстоятельство открылось мне несколько минут спустя, когда я, глотая слезы, взглянула в зеркало и узрела там свою зареванную физиономию с распухшим красным носом. Но пока гром еще не грянул, и я продолжала улыбаться в полном неведении относительно того, что следует дальше.

— Я попросил тебя присесть, — сказал он, с неподдельным интересом разглядывая мой наряд, всклокоченную шевелюру и чернично-булочную улыбку.

Согласитесь, нелегко вести светскую беседу с мужчиной, одетым в духе фешенебельной Уолл-стрит, в то время как на тебе любимая фланелевая ночная рубашка. Волосы я вымыла еще вчера вечером, но до сих пор не расчесала. Ногти, аккуратно подстриженные и чистые, я не стала

покрывать лаком, поскольку отказалась от этой процедуры еще в колледже. Мне казалось, что с ненакрашенными ногтями я больше похожа на интеллектуалку. Кроме того, мне попросту лень было этим заниматься. Я ведь была замужем и, как все замужние дамы, пребывала в полной уверенности, что мне совершенно не обязательно тратить столько времени на свою внешность. Как выяснилось позже, это было непростительное заблуждение.

Мы сели друг против друга в обитые атласом кресла, стоявшие в ногах нашей супружеской постели, и я снова поймала себя на мысли, что кресла здесь смотрятся ужасно нелепо: как будто мы каждый вечер должны сидеть в них и вести переговоры перед отходом ко сну. Но Роджер говорил, что ему кресла нравятся, поскольку, глядя на них, он вспоминает свою мамушку. Я как-то раньше не задумывалась над этим, а зря: возможно, одна из причин нашего разлада крылась в этом на первый взгляд невинном факте — Роджер постоянно сравнивал меня со своей мамочкой.

Судя по его торжественному виду, он собирался сказать мне что-то важное. Застегивая пуговицы фланелевой ночной рубашки, я мысленно распекала себя за то, что не успела натянуть футболку и джинсы — мой обычный наряд. Привлекательность собственного имиджа меня не особенно заботила. Муж, семья,

дети, дом — вот что составляло смысл моей жизни. Секс стоял на одном из последних мест в иерархии ценностей. Наши постельные игры в последнее время происходили все реже и реже.

— Ну, как ты себя чувствуешь? — спросил он, и я снова улыбнулась, хотя улыбочка у меня на сей раз вышла несколько натянутая (проказница черничка мелькнула меж зубов).

— Как я себя чувствую? Прекрасно. А почему ты спрашиваешь? Я что, плохо выгляжу? — Мне показалось, он намекает на мой болезненный вид или еще что, но, как выяснилось, все это было у меня впереди.

Я поудобнее устроилась в кресле и приготовилась услышать, что он получил повышение или, наоборот, потерял работу и собирается поехать со мной в Европу, как уже бывало в подобных случаях. Иногда он преподносил мне такие поездки в качестве сюрприза — так я узнавала, что он снова пополнил армию безработных. Но сейчас в его взгляде не было виноватой робости. Значит, речь пойдет не о работе и не о путешествии: мне уготован сюрприз иного рода.

Поправляя свою поношенную фланельку, я стала понемногу сползать с сиденья. Поскольку мне редко доводилось сживать на столь почетном месте, я успела позабыть, какая скользкая обивка у кресел. Обширные прорехи в рубаш-

ке тем не менее ничего не обнажали, поскольку я надевала под нее старую футболку, чтобы не мерзнуть по ночам. В таком виде я вот уже целых тринадцать лет представляла перед своим супругом в интимном уединении спальни. Счастливые, безоблачные тринадцать лет! Я смотрела на Роджера, и он казался мне таким же до боли знакомым и родным, как и моя ветхая ночнушка. У меня было такое чувство, что мы с ним женаты почти целую вечность, и я несколько не сомневалась, что наш брак незыблем, как скала. Мы с мужем выросли вместе. Он с детства был моим самым лучшим другом — я всегда могла на него положиться. Если честно, то он был единственным человеком на земле, которому я верила. Несмотря на все недостатки, имеющиеся в его характере (а их было не так уж много), я точно знала, что он никогда не предаст меня и не причинит мне боли. Как и большинство мужчин, он часто бывал раздраженным, недовольным; у него постоянно были проблемы с работой, но ни разу мы с ним не поссорились всерьез, и ни разу он не обидел меня.

Роджеру не везло с карьерой. Когда мы поженились, он был рекламным агентом, после чего работал в сфере маркетинга, потом вкладывал деньги в не очень выгодные (если не сказать убыточные) предприятия. Признаться, мне было все равно. Я говорила себе, что

он прекрасный человек и мне с ним хорошо. Я хотела выйти за него замуж. Благодаря моему покойному дедушке, который основал трастовый фонд на мое имя, у нас всегда было достаточно денег, чтобы не только сводить концы с концами, но и жить вполне прилично и даже с некоторым шиком. Фонд «Умпа» обеспечивал мое благосостояние, а также будущее Роджера и детей.

Я могла себе позволить относиться с пониманием к финансовым промахам своего супруга. Откровенно говоря, за годы нашей совместной жизни я пришла к выводу, что Роджер совершенно не умеет зарабатывать деньги. Ни на одной работе он не задерживался дольше года. Правда, мой муж обладал несомненными талантами. Он прекрасно ладил с детьми; нам нравились одни и те же телевизионные шоу; мы с ним обожали проводить лето на полуострове Кейп-Код; в Нью-Йорке у нас была квартира, которую мы очень любили; раз в неделю мы ходили в кино, причем я сама выбирала фильм, а Роджер никогда не роптал, даже если картина оказывалась на редкость глупой; и наконец, у него были потрясающие ноги.

Впервые мы с ним переспали, когда еще учились в колледже, и мне тогда казалось, что в постели он затмевает самого Казанову. Роджер был моим первым мужчиной. У нас были одинаковые музыкальные вкусы. Когда мы танцевали, он напевал мне на ухо. Роджер

был несравненным танцором, прекрасным отцом и моим лучшим другом. И если ему не везло с работой, то что с того? «Умпа» сглаживал эту единственную зазубринку в нашем браке. Мне никогда не приходило в голову, что я могла бы иметь гораздо больше, если бы Роджер работал. Мне было достаточно того, что он рядом.

— Что случилось? — весело осведомилась я, скрестив голые ноги. Вот уже несколько недель у меня не было времени их побрить. Но ведь сейчас ноябрь, успокаивала я свою совесть, да и Роджеру наверняка наплевать, побриты они или нет. Я не на пляже, а в своей спальне вместе с мужем — сижу напротив него в дурацком скользком кресле с атласной обивкой в ожидании сюрприза, который он мне приготовил.

— Я должен тебе кое-что сказать, — осторожно начал он, с опаской поглядывая на меня, как будто я начинена взрывчаткой и готова вспыхнуть от малейшей искры и разнести все вокруг на мелкие кусочки.

Если не считать черничной ягодки в зубах и отросшей шетины на ногах, я выглядела вполне безобидно. У меня очень спокойный, миролюбивый характер. Я никогда не изводила Роджера придирками. Мы ладили между собой гораздо лучше, чем многие наши друзья и знакомые, так мне казалось, по крайней мере, и я благодарил Бога, что в нашей семье все так удачно

сложилось. Во мне жила уверенность, что нам с Роджером уготована долгая и счастливая семейная жизнь — лет этак пятьдесят. Что ж, его это вполне устраивало до недавнего времени. А меня и подавно.

— Что именно? — нежно проворковала я и вновь подумала, что его, наверное, опять уволили. Если это так, то удивляться нечему.

Мы уже проходили подобные ситуации, хотя в последнее время он ошетикивался, когда я заводила разговор на тему его трудовой занятости. К тому же он стал все чаще менять свои работы, объясняя это тем, что, мол, он подвергается незаслуженным гонениям со стороны начальства, его многочисленные таланты никогда не оцениваются по достоинству, а следовательно, «нет смысла тратить драгоценное время и рвение на эту чепуху». Я предчувствовала, что все к тому идет — последние полгода он стал еще ворчливее, чем обычно. Он недоумевал, зачем ему вообще работать, и предлагал нам всей семьей вместе с детьми провести лето в Европе или вдруг погружался в написание сценария или книги. Раньше за ним такого не водилось, и я решила, что все его выходки — результат «кризиса среднего возраста». Роджеру, вероятно, наскучило сидеть в офисе, и он всерьез подумывает, не заняться ли ему чистым искусством. Если так, то с помощью трастового фонда «Умпа» мы и это преодолеем. Как бы то

ни было, я старалась не напоминать Роджеру о его постоянных неудачах в карьере и бесчисленных работах, дабы не травмировать его самолюбие. Я никогда не упрекала его в том, что мой покойный дедушка фактически содержит нашу семью уже много лет. Мне хотелось быть для Роджера образцовой женой: пусть он не чародей с Уолл-стрит и никогда им не станет, я все равно считала, что он славный, добрый человек.

— Что случилось, милый? — в который уже раз спросила я, протягивая ему руку. Но он отпрянул, словно его ужалила змея. Можно было подумать, что его собираются посадить в тюрьму за изнасилование или публичное обнажение в одном из клубов, и он стесняется мне в этом признаться. Вот тут-то я и услышала великую новость Роджера.

— Кажется, я тебя больше не люблю. — Он произнес это, глядя мне прямо в глаза, как если бы на моем месте сидел «чужой» с черничной ягодкой, застрявшей меж зубов, одетый в мою драную фланелевую рубашку.

— *Что?!* — Слово вылетело из меня стремительно, как ракета.

— Я сказал, что не люблю тебя, — повторил он с самым серьезным видом.

— Нет, это не так, — твердо возразила я, прищурившись. Не знаю почему, но в эту минуту я внезапно заметила, что на нем тот самый